

Медиа права - 1992 - 4062 - с. 6

С той поры, как в "Новом Взгляде" появилась рубрика "ТВ-рейтинг", я все жду: вот сейчас, сейчас... Жду, пока кто-нибудь из гостей рубрики назовет среди любимых тележурналистов Леонида ПАРФЕНОВА. Не называют. Я не профессиональный критик, поэтому не могу умно объяснить достоинства и недостатки программ Леонида. Знаю одно: мне его передачи смотреть всегда было интересно. И еще я всегда жду начала программы, чтобы услышать парфеновское "Привет!", которое многие пытались копировать, но безуспешно.

— Леонид, просветите меня, темного: "намедни" — это синоним "надысь"?

— "Намедни" — старое русское слово, очень удобное своей непереводаемостью. Да, вместо "намедни" употребляют и "надысь". Слово нравится мне емкостью: эти дни — и вчера, и сегодня, и завтра, некая актуальность, но и не с пылу, с жару — утром в газете, вечером в куплете.

— И все же: почему ветхозаветное название у передачи, посвященной дню сегодняшнему?

— Я ненавижу все эти "Ритмы", "Темпы", извините, "Взгляды" и т.д. Я долго силился определить стиль этих названий, пока не понял: это названия стройотрядов провинциальных пединститутков. Это первое. Во-вторых, на слове "намедни" есть легкий налет иронии, и оно не то чтобы прилагательное, но чуток притусовочное. Это вполне адекватно выражало то, что мы делали как бы в программе как бы новостей в АТВ. Мы честно инвентаризировали события последней недели, но угол зрения у нас был свой. Сейчас уже у нас нет тех как бы выпусков, мы расстались с АТВ, но название решили сохранить, поскольку верность стилю остается в наших новых передачах. "Намедни" сегодня — это творческое объединение студии "Политика".

— Я вас открыл для себя в этих самых ваших как бы новостях. Думаю, не я один. А до того что вы делали на ТВ?

— Я давно здесь. Еще году в 88-м вместе с Андреем Разбашем мы сняли трехсерийный фильм "Дети XX съезда". Он год пролежал на полке, аж пока Ненашев в Останкино не пришел.

Тогда это было еще огнеопасно — полужаппетные шестидесятники: Буртин, Егор Яковлев, Карпинский, Карякин, Бовин. Они были героями нашей картины.

— Я помню "Намедни" с концовкой одного сюжета: идет в окружении людей Алиев, а за кадром комментарий: "Гейдар шагает впереди" и соответствующий музыкальный проигрыш. Потом вы еще не раз поражали своими неожиданными взглядами, решениями. Склонность к парадоксальному мышлению — это врожденное или приобретенное?

— Как я могу ответить на ваш вопрос? Публично признаваться в нетривиальности взглядов — глупо. Скажу одно: я ничего не делаю специально. Когда меня спрашивают: как ты помнишь песенку "Я не знаю, стало что со мною, обломал я всю черемуху весною", — я отвечаю: я ничего не помню, я забыть не могу. Так и здесь, я не выпендриваюсь, я такой есть.

— Сейчас вы взялись писать телепортреты современников. За исключением, кажется, Людмилы Зыкиной и Василия Белова, все остальные герои — политики. Вы сняли фильмы об Александре Руцком, Желю Желеве, Анатолии Горбунове. Тянет к сильным мира сего?

— Те, о ком я делаю программы, меня волнуют не как чины, хотя на это, конечно, приходится обращать внимание, такова людская психология: зритель станет смотреть передачу о Руцком, зная, что это вице-президент. Но для меня Александр Владимирович гораздо интереснее как человек. Я даже думаю, что как вице-президент он, может, не сложился, но как характер — вполне. Понимаете, "Портрет на фоне" подразумевает героя в связи с контекстом — традиции, проблемы, вопросы, менталитет. За конкретной фигурой пытаешься увидеть человеческий тип, который этот персонаж олицетворяет собой. Например, Василий Белов олицетворяет вот это вот... определения тут все огрубляют. Можно назвать это патристическим консерватизмом или консервативным патристизмом, почвенничеством или неославянофильством, но суть-то не в определении. Всем очевидно, что

Привет!

"НАМЕДНИ" В СМЫСЛЕ "НАДЫСЬ"

Белов есть олицетворение чего-то. Так и с Руцким, и с другими моими героями. Руцкой — грубо говоря, мужик у власти. Думаю, Ельцин того же типа. Выражаясь снова-таки классическим определением, до неприличия русский характер. Интересна грузинскость Джабы Иоселиани, латвийскость Анатолия Горбунова. "Грузинскость" и "латвийскость" можно считать сверхзадачами.

— Вас уже и на Запад приглашают опытом делиться. Расскажите, что это за поездка была у вас недавно в Мюнхен?

— Меня позвали в финансируемый американцами исследовательский институт радиостанции "Свобода". Там видели мои фильмы и пожелали, чтобы я написал для них работу "Президенты бывшего СССР: попытки создания имиджа". По жанру это нечто среднее между публицистикой и научным трудом, по объему — страниц 30. Там называли это исследованием по современной истории, вот так пышно.

— Вы умудрились описать всех наших президентов?

— Я вынес за скобки Тер-Петросяна и Ландсбергиса — это особые случаи. А обо всех остальных — да, написал. Но я столкнулся с тем, что настоящее исследование о наших политиках провести нельзя. "Желтизна" для читателей вроде подсчета дубленок, сменных Кравчуком или Хасбулатовым за зиму, — это не вопрос. А вот ответить, как это число повлияет на имидж политика... Я попытался проинвентаризировать проявления публичной политики, предположим, того же Леонида Макаровича или Назарбаева. Но поскольку отсутствует всякая внятная социология... Только не надо мне рассказывать, что есть Нугзар Бетанели со своим институтом. Все это не имеет особого прикладного значения. Кто объяснит, что означают для имиджа Кравчука его постоянные рассказы об исполнении им роли Деда Мороза на елке для своих внуков? Может, если бы это показало Останкино, для многих россиян умер бы образ коварного правителя Украины. Но, возможно, реакция будет противоположной: во лицедей-то, даже перед своими внуками маску не снимает! Кто знает, какой вариант сработает? Я не отвечу и никто не ответит. Все эти наши социологи только делают вид, что здорово изучили состояние общества. Давать рекомендации по имиджу, как это принято на Западе, у нас пока не могут.

— И все же вы рискуете советовать?

— Не рискую. Я не работаю в отделе пропаганды и агитации партии Руцкого или в пресс-службе Горбунова. Я делаю журналистское дело.

— Антипортреты создать не пытались?

— Это не мое дело — памфлеты "Откуда исходит угроза миру" и т.д.

— Но о том, кто вам неприятен, можете снять фильм?

— Что значит "неприятен"? У меня нет личных отношений ни с кем из моих героев. Это знаете, как у толстовских мужиков спросили об отношении к графу Льву Николаевичу. А те говорят: кто мы такие, чтобы как-то к нему относиться? Так и здесь. Я всего лишь журналист и только в этом качестве могу быть интересен Гамсахурдиа или Шеварднадзе.

— Но вас, поди, и на улицах узнают?

— Если в майке, джинсах и очках, то нет. А в костюме и при галстуке — да.

— В таких случаях вы прячетесь в салоне личного авто?

— А у меня нет машины.

— Ну теперь-то, продавшись Западу, прибрахнитесь...

— Надо, чтобы сначала заплатили.

— Вам никогда не предлагали роль придворного писателя, вы ведь известный портретист. Сопровождали бы кого-нибудь из великих, снимали бы о нем репортажи...

— Это не журналистика, а другая профессия.

Андрей ВАНДЕНКО.